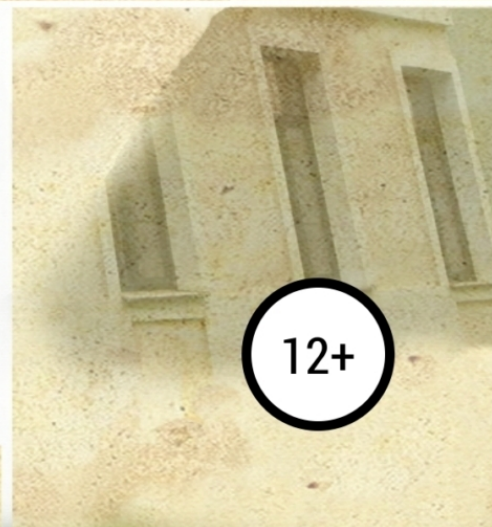




Евгений Асноревский
**Треугольник
Короля**



12+

Евгений Асноревский
Треугольник короля

«Автор»

2018

Асноревский Е. Е.

Треугольник короля / Е. Е. Асноревский — «Автор», 2018

Молодой белорусский историк Мечислав неожиданно находит ценный предмет — серебряную капсулу времен последнего польского короля и великого князя литовского Станислава Августа. Во время плена в одном из своих замков, король спрятал артефакт, поместив в него записку с загадкой, разгадать которую, вместе с друзьями, Викой и Владимиром, берётся Мечислав. Им удастся выяснить, что монарх был членом организации масонов, но в это время в расследование начинают вмешиваться незнакомцы... Книга основана на реальных фактах. Все главные герои имеют реальные прототипы.

© Асноревский Е. Е., 2018

© Автор, 2018

Евгений Асноревский

Треугольник короля

Часть I. Треугольник Короля

Глава 1. В три часа дня

Мечислав уже довольно долго шатался по центру города, поглядывая на здания. Это был обычный рабочий день, обеденное время которого Мечик проводил, изучая свой любимый город. Гродно стал ему родным, хотя родился он в небольшом городке неподалёку.

Старые, кривые улочки, величественные костёлы – в это всё трудно было не влюбиться. Мечик и не пытался противиться обаянию города. Уже в первый приезд он знал, что хотел бы жить здесь, среди всей этой красивой старины, которая не пугала человека своим величием, хотя подобное можно было сказать, к примеру, о Фарном костёле, но всё же нет – и он был Мечiku своим как друг детства, с которым связывают годы мелких шалостей и грубых проступков, радостей и обид; гродненская старина умиротворяла горожан, добродушно улыбаясь им милovidными фасадами с маленькими балкончиками над каменным тротуаром.

Вот уже несколько лет блестящий выпускник одного из польских университетов, магистр исторических наук – пан Мечислав, трудился, не покладая рук, совсем не по своей специальности. Работать приходилось не головой, а руками и хотя, в сущности, Мечик ничего не имел против такой работы, в глубине души копошилась обида ни то на себя, ни то на кого-то ещё...

Чтобы философствовать, впрочем, у Мечислава было не очень много времени. Парень уже успел обзавестись женой и маленьким ребёнком, и оба этих родных и близких ему человека, разумеется, требовали самого пристального внимания, которое Мечик с удовольствием отдавал им, не забывая при этом и о своём творчестве.

Творить же Мечислав мог не только исторические заметки, но и картины. Историк действительно неплохо рисовал. Такая одарённость, безусловно, ещё больше способствовала желанию Мечика работать своим разумом, а не мускулами.

Во внешнем облике этого молодого, двадцати с лишним лет от роду, человека, была заметна опрятность.

Характер пана Мечислава был не самый спокойный, хотя этот добрый по натуре парень не был лишён рассудительности и обладал способностью сдерживать горячие порывы своей души, в те моменты, когда она звала его к активным действиям. Разум подсказывал Мечiku, что активные действия не всегда нужны и что вот так вот просто взять и дать нерадивому балбесу по физиономии – не всегда лучшее, пусть даже и очень желанное, решение.

Несмотря на невозможность зарабатывать своей любимой специальностью – историей, хоть сколько-нибудь приличные деньги, Мечислав не бросал своих занятий на ниве Клио, а просто делал это в свободное от основной работы время.

Так и теперь, в свой обед, молодой человек бродил по городу и подмечал то, что ему было нужно для заметок, которые он публиковал в исторических журналах. В разработке у историка было сразу несколько статей, кроме того, прогулки по Гродно обычно вдохновляли его на новые идеи для исторических трудов, поэтому он не спешил возвращаться на работу, а всё бродил и бродил среди прохожих, снующих по своим делам, как обычно в такое время, немного спешащих и угрюмых.

Мечислава сильно удручало то, что в его любимом городе уже давно довольно безалаберно относились к историческому наследию. Мечик был активным критиком действий городской администрации, разрушающей старинные ансамбли улочек и площадей города. Стараясь хотя бы зафиксировать на фото, уничтожаемых людьми молчаливых свидетелей прошлого,

Мечислав не раз корил себя, если не успевал к какому-нибудь домику, со своим фотоаппаратом, раньше, чем к нему успевали разношёрстные группы рабочих с бульдозером. Поэтому он с большим вниманием продолжал бродить по старому центру, вглядываясь в знакомые кварталы и, с внутренним трепетом, представлял себе очередные работы по улучшению городской инфраструктуры, которые через раз сводились к разрушению горячо любимого им красивого белорусского города.

Теперь он шёл по улице Советской, которая выглядела совсем не по-советски. В одном из закоулков, открывающихся глазу с этой улицы, несколько человек в робах копали яму.

Одним из больших интересов Мечислава была археология. Знания молодого человека в этой дисциплине были поистине обширными. Ещё в годы первых курсов университета он активно совершенствовал свои навыки, обгоняя программу и удивляя преподавателей. Позднее Мечик любил осматривать траншеи, вырытые рабочими на улицах Гродно. В них почти всегда можно было найти что-то интересное для археолога. Сырая земля, её вид и запах, уже обещали Мечиславу уйму открытий, и он легко находил удивительные вещи там, где другие прохожие видели лишь комья грязи, противно липнущие к чистой, ещё пахнущей свежей кожей и офисом, обуви. Рабочие частенько с недоумением смотрели на неизвестного им молодого человека, изучающего плоды их труда, но мало кто интересовался: что же понадобилось ему здесь и зачем нужно разглядывать, и перебирать кучи земли, выкинутые на обозрение прохожих большими лопатами – шуфлями, как их называли сами труженики городского хозяйства.

Мечик не стал сворачивать, чтобы посмотреть на яму в закоулке (он видел её в прошлый раз) а продолжил двигаться вперёд.

Дойдя до конца улицы, он повернул в сквер на месте разрушенного главного католического храма Гродно – Фары Витовта, и, пройдя мимо какой-то парочки занимающей, как обычно, скамейку у края сквера, свернул на улицу Замковую, направляясь в сторону гродненских королевских резиденций.

Перед ним маячила высокая пожарная башня, смахивающая на средневековую оборонительную, с фигурным флюгером и бутафорским пожарником на верхней площадке.

Перейдя дорогу рядом с украшенным гербом Гродно особняком аристократов Хрептовичей, Мечислав направился к деревянной статуе великого князя Витовта, подаренной много лет назад литовцами, и, дойдя до неё, свернул налево, в Новый замок. Позади остались ворота замка с фигурами каменных сфинксов, вот уже больше двухсот лет охранявших вход в королевскую резиденцию.

Свернув направо, Мечислав оказался на обрыве над мирным течением Немана. Тут открывался прекрасный вид на Старый замок и Коложскую церковь. Внизу, по набережной, двигались крошечные фигурки людей, солнце светило ярко и его тепло можно было легко почувствовать, подставив лицо, с зажмуренными глазами, под наполнявшее всё пространство сияние. Облака – широкие, покрытые невероятно сложными разводами, в просвете которых и горел яркий солнечный шар, заслоняли собою почти всё небо, и, казалось, висели низко над искрящимися, зеленоватыми волнами реки, открывая в дали размытый голубой дымкой пейзаж, с высокими холмами-горами над лесом.

Полюбовавшись этой картиной, Мечислав продолжил свой путь.

Пройдя вдоль выходившего к обрыву правого крыла королевского дворца, он свернул налево, выйдя к полукруглому дворцовому эркеру.

Здесь копошились пятеро рабочих, ещё столько же сидело на ступеньках перед дворцом, а один облюбовал для себя декоративную чашу, уже изрядно облупившуюся от времени. Бригада вела раскопки, вероятно, с целью ремонта водопроводных труб. Весело улыбающиеся, сидящие без дела, рабочие, дружно покосились на Мечислава.

– Здравствуйсте, господа, – заметив их внимание, сказал Мечик.

– Господа вот давеча все в Париж уехали, – ответил рабочий с лицом Витовта на картине Яна Матейки «Грюнвальдская битва». – А мы вот тут землю роём.

Остальные сидевшие люди сдержанно засмеялись.

Историк ничего не имел против шуточек рабочих и уже давно привык к ним.

Строитель – весьма философская специальность. Отдых после тяжёлой физической работы, на куче строительных отходов, с чашечкой дешёвого, растворимого кофе, размешанного чем-то вроде гвоздя – вот она чудесная реальность строителя, о которой Мечислав знал не понаслышке. В такие моменты человек бывает открыт и философичен до крайности, даже если всё ещё трезв.

– Я вообще-то историк, посмотрю немного, что тут в земле может быть.

– Да-да, пожалуйста, – вежливо ответил некий тип, судя по более опрятному виду, и зачем-то нахлобученной белой каске, являвшийся бригадиром.

– Нам земли не жалко, – вставил «Витовт», вызвав у рабочих кривые ухмылки.

Мечислав опустится на корточки и принялся рассматривать кучи земли перед его лицом. Один из всё время копавших людей, между тем, вылез из траншеи, подошёл к бригадиру и попросил закурить. Оставшиеся отдыхать рабочие вернулись к обсуждению какого-то фильма, недавно показанного по телевизору. Один из них пристально вглядывался в значок с гербом «Погоня», на груди историка.

Мечислав тем временем копался в земле. Интерес к раскопкам в самом центре города всегда был максимальным. Отсюда, с этих холмов, жители города смотрели на окружающий мир... Столетиями на этом месте жили люди. Что касается пространства за эркером Нового замка, то здесь молодого человека привлекала возможность увидеть в раскопках фундаменты саксонской часовни восемнадцатого века, служившей для молитвы королю и разрушенной в двадцатом веке. Траншеи рабочих были прокопаны как раз в том месте, где должны были скрываться её фундаменты.

Взрыв хохота заставил Мечика поднять голову. Двое рабочих затеяли дуэль на лопатах, остальные секундировали им. Один из строителей отходил в сторону молодого историка и, приблизившись к нему вплотную, отскочил в сторону в момент рубящего удара лопатой, который сделал его противник – пожилой человек с чёрными глазами и седыми, смешно зачёсанными волосами. Лопата просвистела в воздухе и попала совсем не туда, куда метил тот, кто держал её. Мечик закрыл глаза.

– Эти рабочие просто как циркачи. В жизни не видел таких весёлых копателей, – сказал сам себе Мечислав. И тут же опустил голову, потому что его рука нащупала некий вытянутый предмет.

Смахнув землю, попавшую на его наручные часы, которые показывали три часа дня, историк взглянул на то, что было в его руке. Всмотревшись, он сперва не поверил глазам. Это была небольшая металлическая капсула с изображением каких-то завитков, не очень хорошо видных на потемневшей поверхности. Над этими завитками помещалась корона. Немного оправившись от удивления, он подумал, что уже видел этот рисунок.

– Так это же... – историк удивлённо поднял брови.

На капсуле была изображена монограмма короля Станислава Августа Понятовского, точно такая же, как на стене его гродненского дворца. Три латинских буквы «S A R», означающие фразу на латинском: «Stanislaus Augustus Rex».

«Станислав Август Король», – подумал Мечик.

Но самым удивительным Мечиславу показалось то, что капсула, похоже, была сделана из серебра. Материал потемнел, но в свежей царапине, нанесённой лопатой рабочего, не замечавшего, что он выкинул на поверхность, проступал светлый металл.

Пожалуй, это было не совсем правильным действием, но молодой историк сунул капсулу под рубашку и, поднявшись на ноги, быстрым шагом удалился, не оборачиваясь на всё ещё дурачащихся рабочих.

Пролетая по улицам, Мечислав чувствовал, как сердце колотится в груди. Иногда он заглядывал под рубашку, чтобы убедиться, что он ничего не придумал, и ему действительно удалось найти столь ценный артефакт.

Выронив на пороге дома ключи, он стремительно нагнулся за ними и, нащупав их слегка дрожащими пальцами, резко выпрямился, выдохнул, сказав себе, что нужно успокоиться, вскинул голову, а затем резко вставил ключ в замок. Ключ легко провернулся и Мечик вошёл в дом. Тепло и знакомый запах своего дома сразу успокоили историка, но невероятная находка продолжала жечь руки. Шершавая, потемневшая поверхность капсулы была приятной на ощупь, но главное, конечно, то, что внутри. Что же может быть спрятано в капсуле из драгоценного металла, с монограммой последнего правителя Речи Посполитой?

Поднявшись на чердак дома, Мечислав искал инструменты, которые могли понадобиться для работы с капсулой. Неожиданно он бросил всё и просто сел на хромой старый стул, доставшийся ему от прадеда, а затем пристально взгляделся в капсулу. На ней был ещё один, теперь еле заметный, знак. Что-то вроде креста и розы. Никаких надписей видно не было, но закрыта капсула была крышкой с маленькой ручкой в виде коровьей головы.

– Так-так, – прошептал себе под нос Мечик. – Голова вола, кажется, герб Понятовских.

Было похоже, что крышка просто вставлена в капсулу и никак не крепится снаружи. Хранение в ненадлежащих условиях сделало своё дело и состояние капсулы было довольно-таки плохое.

Молодой человек слегка подёргал за голову вола – крышка не поддавалась. Присмотревшись, Мечислав заметил, что рогатая ручка выростала из небольшой короны.

– Это точно герб Понятовских, – громко, вслух сказал сам себе Мечик.

Застыв на несколько секунд, молодой человек попробовал крутить ручку против часовой стрелки. Крышка не поддавалась. Сжав губы и глубоко вдохнув, историк ещё раз попробовал покрутить ручку. На этот раз он услышал резковатый треск и крышка, на удивление легко отделившись, осталась в левой руке Мечислава. Капсула была открыта!

Почему-то именно в этот момент Мечик вспомнил, что так и не вернулся на работу, и просто-напросто будет иметь прогул, но это его совершенно не тронуло. Он вздрогнул от звука сигнала, производимого соседским автомобилем, подъехавшим к дому напротив. Машинально подняв голову, историк посмотрел в окно, но тут же снова опустил глаза и плавно развернув к своему лицу капсулу, той стороной, где только что была крышка, пристально взглянул внутрь.

– Да, – сказал Мечислав, пощёлкав языком и слегка улыбнувшись.

Капсула не была пустой. Надев чистую перчатку, которую Мечик выудил из ящика с инструментами, он осторожно, двумя пальцами, достал из серебряной ёмкости её содержимое. В руке исследователя оказалась маленькая коробочка из красного дерева, судя по виду, великолепно сохранившаяся. Отложив драгоценный пенал на стол, молодой человек решил заняться капсулой. Он быстро приготовил щадящий содово-соляной раствор для очистки серебра и, погрузив в него свою добычу, вернулся к пеналу.

– Надо будет всё ж проверить хромпиком это серебро. Хотя, я и так уверен... – заметил себе Мечик.

На крышке красовался вызолоченный герб князей Понятовских – вол повёрнутый влево. Осторожно открыв крышку, историк достал что-то небольшое, похожее на скруток бумаги.

– Да это же пергамент, – удивлённо проговорил Мечислав. – В Гродно? В восемнадцатом веке? Если это, конечно, действительно привет из восемнадцатого века, – добавил он, прищуриваясь на свет соседского окна, где горела яркая люстра, так как уже наступил вечер.

Осторожно развернув пергамент с помощью своего любимого, служившего ему уже, казалось, тысячу лет, карандаша, молодой человек увидел польский текст, написанный красными чернилами, великолепным, каллиграфическим подчерком.

«Rycerz Salsinatus złożył swoje imiona w trójkąt. Umieść wybranych według imion na miejscach ich w dniu przybycia rycerza na świat mapa gwiazd jego słońcem wskaże na słońce w imion trójkąt. Odpowiedź w imionach wybranych złożonych razem otrzymasz. Na Poszukiwanym znajdziesz go w wyznaczonym dniu».

Мечик свободно владел польским и поэтому быстро, тем самым карандашом, который использовал для того, чтобы развернуть свиток, он записал на валявшемся тут же клочке бумаги перевод:

«Рыцарь Salsinatus имена свои в треугольник сложил. Поставь избранных по именам на места их в день прихода рыцаря в мир звёздная карта его солнцем на солнце укажет в имён треугольник. Ответ в именах избранных сложенных вместе получишь ты. На Искомом найдёшь его в день назначенный»

Усмехнувшись, Мечислав постучал тупым концом карандаша по столу.

– Да уж...

«Перевод с польского получился китайским – ничегошеньки не ясно...» – промелькнуло в голове Мечика.

– И что дальше? – спросил он себя вслух. – Написать Вике, – ответил сам себе историк.

Глава 2. Профессор философии

Солнечным, погожим днём, по улице Университетской города Вильно, проходящей, как и следует из названия, рядом с университетом, шла молодая девушка лет двадцати. На ней были элегантные брючки, любимого ею белого цвета, белый же шарфик и лёгкое светло-серое пальтишко. Вся её стройная фигурка казалась воплощением элегантности. У неё были серые, искрящиеся живыми искорками, глаза, светло русые волосы и длинные пальчики без яркого лака на аккуратных ноготках.

Двигаясь мимо лишённого всякой помпезности светлого здания президентского дворца, она направилась внутрь старинного Виленского университета, чей массивный корпус нависал над стоянкой машин. Девушка держала путь к одному из залов, где ей была назначена встреча. Достигнув входа в этот зал, который был расположен между двумя нишами с белыми скульптурами, она чуть задержалась и, подняв голову повыше, прочла надпись на латыни, помещённую над слегка приоткрытыми, тяжёлыми дверями:

«Alma Mater Vilnensis»

Слегка наклонив голову набок, гостья продолжила свой путь в зал, носивший литовское название «Mažoji aula».

Войдя в него, она оглянулась: перед ней предстало мрачное и величественное помещение, с рядами коринфских колон вдоль стен, заставленное стульями с мягкими красными спинками.

В дальнем конце зала, спиной к вошедшей, стоял человек в коричневом костюме и коричневых же лакированных туфлях. Он как будто знал, что та, кого он ждёт – уже здесь, хотя она вошла почти бесшумно, и медленно развернувшись к ней, поднял глаза.

Пристальный, казавшийся насмешливым взгляд его слегка навывкате глаз, чёрного цвета, упал на гостью. У этого человека был квадратный подбородок, низкий лоб и чёрные, невероятно густые, кудрявые волосы. Его пухлые губы были сложены в лёгкую усмешку. Лицо казалось в целом немного глуповатым, а красный, в белую полоску, галстук – только усиливал это впечатление. Кроме того, человек был мал ростом, и довольно полный.

Смерив друг друга взглядом, эти двое слегка смутились.

– Здравствуйте, – произнесла девушка по-литовски, приятным, нежным голосом, хорошо дополнявшим её миловидную внешность, – это вы Михаилас Литвакас?

Коричневый человек слегка поклонился, отведя руки немного назад, и ответил высоким мальчишеским тенором:

– А вы, я уверен, и есть Виктория.

– Да... Это я, – ответила девушка.

– Вас ко мне послал профессор Баранаускас? То есть он – историк, послал ко мне – философу, девушку с вопросом по истории, я правильно понял? – насмешливо спросил профессор.

– Этот вопрос вами досконально изучен, профессор. Уважаемый профессор Баранаускас это знал и поэтому направил меня к вам.

– Что же это за вопрос?

– История тайных обществ, профессор.

Литвакас причмокнул своими полными губами и облизал их как бы в знак проснувшегося аппетита.

– Да-да, – сказал он, потупив глаза вниз, – эта тема меня весьма интересуется... весьма.

Девушка усмехнулась и понимающе покивала головой.

– Ну что же, пройдемте лучше в мой кабинет, – сказал Литвакас. – А по дороге купим пирожных, вы же любите пирожные, правда? И давайте говорить на вашем родном языке, я вижу, что вы владеете литовским, но хочу, чтобы вам было максимально комфортно, а ваш язык и для меня, можно сказать, родной.

Кабинет профессора, куда через сорок минут он вошёл с девушкой, державшей коробочку пирожных, находился довольно далеко от места встречи собеседников. Это была небольшая коморка, заставленная всякой всячиной.

Расположившись в кресле и предложив госте сесть, профессор сказал:

– А ведь наш общий друг – мастер нести чушь с умным видом, он был бы хорошим политиком.

Он замолчал, вопросительно глядя на девушку.

– Я не буду отнимать слишком много вашего времени...

– Да что вы? Не стесняйтесь себя, я не спешу.

– И всё же... Мне, конечно, было бы интересно прослушать лекцию по истории тайных обществ восемнадцатого века, ведь я слышана о том какой вы прекрасный лектор, профессор, – тут Литвакас слегка наклонил голову и постучал пальцами по столу, – но я, повторюсь, не хочу у вас отнимать много времени...

На этих словах девушка лёгким, быстрым движением достала, откуда-то сложенную вдвое бумажку и, развернув её, положила на стол перед профессором. К ней она добавила две фотографии, на каждой из которых было изображено по одному предмету: на первой серебряная капсула, на второй маленькая красноватая коробочка.

– Вот текст, – сказала Вика, указывая на бумажку в своей руке, – который мне очень хотелось бы понять. Можете ли вы объяснить смысл? Он написан на настоящем пергаменте и найден в футляре, – девушка ткнула пальчиком в фото, – а футляр в серебряной капсуле. Он на другом фото.

Она достала ещё несколько фотографий изображающих находки с разных сторон, и, сложив руки на груди, сидела молча, пока профессор, медленно оторвавшись от спинки кресла ещё медленнее наклонялся к фотографиям и листку на столе. Чем больше он всматривался в них, тем больше расширялись его глаза. Было видно, что он стал дышать чаще. Он довольно долго вглядывался в изображения на фотографиях и перечитывал текст на листке. Казалось, он совсем забыл о своей молодой посетительнице. Наконец Литвакас откинулся в кресле, при-

жав две сложенные ладони к губам и глядя в пустоту. Резко переведя взгляд на свою гостью, он сказал спокойным тоном, хотя голос его дрогнул на последних словах:

– Это правда, скажите честно? Может быть это шутка, мистификация... Как мне узнать? Вы хотите... Хотите чего? Может быть денег?

– Я хочу узнать, что значат слова на листке.

– Люди врут другим обо всем, чтобы получить деньги, а деньги врут им о них самих, что они получили себя, – произнёс, посапывая Литвакас.

Девушка задумчиво отвела взгляд в сторону.

– Где это было найдено?

– Там, где жил Понятовский. Вы же знаете уже, что там монограмма Понятовского?

– Знаю не хуже вашего! – вдруг зло сказал профессор.

Он мгновенно овладел собой, лишь в глубине глаз читалась злость от внезапной вспышки.

– Люди хотят лишь жрать, но вы – вы стремитесь к чему-то большему! Ради чего вы лично, милая, тянитесь к этим знаниям? Если эта серебряная штука подлинная, то стоит немало денег, но ведь вам не нужны деньги. Вы просто любите историю, как мне сказал ваш... наш общий друг – профессор Баранаускас. И вы даже не историк по специальности. Вы тянитесь к знаниям, но не к деньгам. Но знаете, что я скажу вам? Это всё серьёзнее, чем вы можете представить! Лучше бы вы не приходили ко мне с этими фотографиями и запиской. Хотите знать... Хотите, значит, знать? Ну так я вам скажу.

Литвакас разволновался было снова, но опять взял себя в руки.

– Так... – профессор ослабил свой смешной галстук. – На серебряной капсуле находится монограмма короля Понятовского, там есть ещё небольшое изображение: роза и крест – эмблема ордена Розенкрейцеров, вол – герб рода Понятовских. Вот это всё вы знали. Теперь то, что вы не знали, – произнёс он.

Девушка слегка приподняла голову и прищурилась.

– Так вот, то, что вы не знали... – Литвакас многозначительно помолчал.

– Полагаю, Баранаускас уже рассказал вам, что король Станислав Август Понятовский, был масоном и розенкрейцером. Рыцарь Salsinatus – часть титула, данного королю в масонской ложе. Salsinatus – анаграмма от имени Станислав. Всё это довольно широко известно среди интересующихся историей и, вероятно, уже известно вам, благодаря нашему уважаемому другу, профессору этой самой истории Баранаускасу. Так?

Девушка наклонила голову в знак согласия.

– И значит... – продолжил профессор, – я ничего больше не могу вам сказать. Да, я всю жизнь интересуюсь тайными обществами: масоны, розенкрейцеры, иллюминаты. Мне всё это интересно, но ваша загадка слишком сложна, и я не могу добавить ничего к сказанному Баранаускасом...

Вика, при всей своей сдержанной грации и спокойной вежливости, не смогла скрыть на лице сильного разочарования.

– Не могу добавить ничего, – вновь заговорил Литвакас, – кроме утверждения, что в послании передана зашифрованная информация о местонахождении некоего артефакта.

Вика вскинула глаза, мгновенно загоревшиеся интересом. Профессор сидел, сложив руки на толстом животе, с самым каменным лицом, которое только мог изобразить. Через секунду он громко захохотал, закинув голову назад.

– Всё же в наше время молодёжь смотрит слишком много фильмов, – хихикая, проговорил Литвакас. – Даже если то, что вы мне принесли настоящее, вряд ли расшифровал послание вы найдёте клад масонов. Баранаускас слишком наивен и легко взял на веру ваши доказательства... Впрочем, оставьте фотографии и текст здесь, если я смогу что-то понять, то обязательно

сообщу вам. Только раскрывший тайну природы знает, что на самом деле создал новую. Желаю приятного дня, Виктория.

Вика, секунду подумав, встала и, оставив фотографии на столе, направилась к выходу. На лице её была улыбка, которая, правда, не очень скрывала её разочарование. Повернувшись на пороге и пожав руку, протянутую ей профессором, девушка сказала:

– Что ж, это было приятное знакомство и полезный разговор. Простите, что потревожила, спасибо, что оказали помощь, пожалуйста, дайте знать, если вы что-то разберёте, и можете не сомневаться в подлинности артефактов. Я ведь совсем не ищу клад, но расшифровать это послание, понять, что хотел сказать нам автор, которым, как знать, мог быть сам король... Разве это не важно?

– Да-да, да-да, – зачастил Литвакас, – всего наилучшего, барышня. Последнее слово он сказал по-литовски.

Закрыв за гостьей дверь, Литвакас ещё долго стоял на одном месте, как человек погружённой в гипноз. Затем он, хлопнув себя по коленям, вернулся к столу.

Солнечный день в Вильне между тем потихоньку подходил к концу. Виктория спокойной походкой удалилась в сторону своей съёмной квартиры.

Войдя домой она обнаружила, что её соарендаторов – двух странноватых девчонок студенток – ещё нет. В этот момент у неё зазвонил телефон.

– Алло, – сказала Вика, поднеся трубку к уху.

– Алло. Это Литвакас, Вика. М-м-м-м, я хотел бы порекомендовать вам одного специалиста по вашему вопросу, отличного историка из Минска. Точнее, может он и не совсем специалист именно по-вашему, так сказать, делу... м-м-м-м, но это человек увлечённый историей, больших знаний парень. Его зовут Владимир, он может помочь в поисках... Запишите координаты...

Через минуту девушка, записавшая данные протее Литвакаса, уже вошла в социальную сеть и оставила одному из френдов следующее сообщение:

«Мечик, я поговорила с Литвакасом. Увы, почти ничего»

Глава 3. Треугольник короля

Дорога от Минска до Гродно – точно не самая длинная на свете. Но если её проделать на стареньком «корче», то она может стать длинной и красочной. Владимир и его зеленоватый автомобильчик были уже в Щучинском районе, где дороге обступают с двух сторон старые, косматые, хвойные деревья.

Больше месяца назад ему в интернете написала девушка и, рассказав, что его порекомендовал, как хорошего историка, профессор Михаилас Литвакас, предложила сотрудничество. Жить предполагалось в Гродно, посетить которое Владимир всегда был не прочь, тем более, что показанные ему онлайн снимки найденных артефактов были для него поистине ошеломляющими.

Оказалось, что они уже знакомы заочно с этой девушкой и состоят в одной группе в социальной сети. Кроме того, в исследовании должен был участвовать и другой не понаслышке знакомый Владимиру историк из Гродно.

«Это будет прекрасно...» – думал Владимир, усмиряя малопокорный автомобильчик на повороте. Выйдя на прямую, он немного расслабился и даже подумывал включить магнитолу, такую же старую, как и сама машина. Это был раритет, работающий на кассетах, которые Владимир специально выискивал, где только мог. Он был настроен позитивно и, присвистывая, подкинул пальцами вымпел хоккейного клуба из Молодечно, болтавшийся на зеркале заднего вида...

Драм!!! Тяжёлый удар в бок автомобиля сотряс легковушку. Сзади что-то покатилося, а Владимира мотнуло в сторону. Резко нажав на тормоза, он довольно быстро остановил машину и выбежал из неё. На дороге темнело нечто. Нечто напоминающее большого зверя.

«Медведь» – почему-то пронеслось в голове у Владимира.

Подойдя поближе, он сразу же почувствовал себя глупо из-за этого предположения. Лежавший на дороге зверь был, конечно, гораздо меньше медведя, но всё же на глаз весил не менее 100 кг. Больших размеров кабан лежал рядом с машиной, и не подавал никаких признаков жизни. Глаза животного были закрыты. Владимир застыл на месте, пристально глядя на зверя и не зная, что делать. Неожиданно его отвлек дальний звук взрыва за лесом, возможно исходивший из таящейся там деревушки. Опустив голову и снова пристально посмотрев на лесного гостя Владимир протянул к нему руку... В ту же секунду кабан открыл глаза, хрюкнул, и резко мотнул клыкастой головой, при этом чуть не ударив человека в колено. Отскочив от неожиданности далеко в сторону, Владимир услышал лихорадочный стук собственного сердца. Вепрь, между тем поднялся и побрёл в лес.

Подойдя к машине Владимир, к своему удивлению, не обнаружил вмятину на крыле. Это улучшило его настроение. Вернуться в салон, завести мотор, включить музыку: всё это стало делом одной минуты. И вот уже зелёный автомобильчик снова в пути.

«В древности гадатели использовали животных для предсказаний. Интересно, что бы на их взгляд означал удар кабаном в старый корч» – думал Владимир.

От этих мыслей он развеселился ещё больше и в отличном настроении въехал на улицы Гродно.

Серая дымка тумана покрывала старинный город. Зима, лишённая залежей снега и сильного холода, господствовала в нём. Одни люди были одеты в зимние куртки, другие – чуть ли не в летние наряды. Тротуары казались нарисованными тёмными красками по грубому холсту, а вдали, сквозь туман, проступали очертания храмов, казавшихся какими-то призрачными замками, в мрачных долинах.

Парень и девушка стояли в сквере Фары Витовта.

В три часа дня, они увидели, как со стороны улицы Замковой в сквер вошёл темноволосый человек с небольшой бородой, одетый в армейского покроя пальто. Он припарковался неподалёку и теперь шёл торопливым шагом к памятнику, у которого медленно прогуливалась молодая пара. Подойдя к ним человек застенчиво улыбнулся, и, протянув каждому из них руку, два раза сказал:

– Владимир, рад знакомству.

– Вика, – ответила девушка, – очень приятно.

– Мечислав, – сказал её спутник.

Знакомство в реальном мире людей знающих друг друга только через сеть – может быть очень интересным, как и начало сетевой переписки людей, знавших до этого друг друга только в жизни.

Через тридцать минут все трое сидели с ноутбуком в одном из городских кафе. Оторвавшись от кофе, Владимир сказал:

– Пока я ехал к вам меня чуть не протаранил дикий кабан. Это был самый впечатляющий контакт с природой в моей жизни.

Вика и Мечик одновременно изменились в лице.

– А у меня... – выпалили они вместе.

Мечик улыбнулся и помолчал, давая понять Вике, что она может продолжать.

– А у меня, – продолжила Вика, – тоже был, так сказать, контакт, пока я сюда шла. Бабочка, и, по-моему, это была редкая бабочка – павлиноглазка. Огромная просто! И ведь она ночная, но прилетела днём и кружилась у моего лица очень долго. И подумайте, бабочка зимой! Падал лёгкий снежок, когда она слетела ко мне.

Последние слова девушка сказала немного смущаясь своих больших знаний о бабочках.
– У меня была книжка, ну... о бабочках, – пояснила она, смутившись ещё больше.

Мечислав улыбнулся и звякнул ложкой о чашку с капучино. Ему тоже было что порассказать, и он отодвинул свой кофе чуть подальше.

– Я шёл сюда... – начал Мечик.

В этот момент его внимание привлёк человек, сидящий за барной стойкой, неподалёку от их столика. У него была настолько невыразительная внешность, что Мечислав, будучи художником, затруднился бы нарисовать его портрет даже с натуры. Этот человек пристально наблюдал за их компанией, но тут же уткнулся в свой бокал с вином, когда историк задержал на нём взгляд.

– Так вот, я шёл сюда, – продолжил молодой человек, выкинув невыразительного посетителя бара из головы, – мимо бернардинского костёла. И тут ко мне слетел сокол, что живёт там, за статуей святой Елены.

Вика закивала головой в знак того, что тоже в курсе проживания сокола в самом центре города.

– Там парочка соколов, у них даже есть имена, – добавил историк.

– Но самое поразительное, что он просто преследовал меня – этот сокол. Вот эта хищная птица просто-таки чуть не бросалась мне под ноги. Прохожие на это смотрели, как на чудо какое-то. И не знаю, разве они не улетают на зимовку?

«Как видно не меня одного преследовало животное. Может быть, я и не зря вспомнил о древних предсказателях... Мда уж...» – пронеслось в голове у Владимира, и он отхлебнул ещё кофе.

Троица молчала, обдумывая то, что с ними случилось. Решив перейти к цели своего визита, Владимир сказал:

– И что же у вас тут за археология любопытная, расскажите, пожалуйста.

Вика развернула к гостю ноутбук, на экране которого были снимки находок Мечислава.

– Фотки артефактов я уже и так видел, – сказал молодой человек. – Надеюсь, я смогу увидеть эти прелести и живую?

– Разумеется, – проговорил Мечислав, прожёвывая круассан.

– Я так понимаю, – сказал Владимир, – что главная наша задача расшифровать эту рукопись из бутылки, то есть послание сквозь века от Понятовского.

Молодые люди кивнули.

– Покажите его, – добавил минчанин.

Вика щёлкнула по клавиатуре ноутбука и перед историком предстала фотография пергамента с надписью. Владимир знал её наизусть. С тех пор как он получил сообщением на свою страницу в социальной сети этот текст, он столько раз его читал, что мог бы пересказать даже проснувшись от удара грома, но фото пергамента видел впервые. И оно произвело на него большое впечатление. Пробегая его глазами, он читал про себя и сразу переводил:

«Рыцарь Salsinatus имена свои в треугольник сложил. Поставь избранных по именам на места их в день прихода рыцаря в мир звёздная карта его солнцем на солнце укажет в имён треугольник. Ответ в именах избранных сложенных вместе получишь ты. На Искомом найдёшь его в день назначенный».

– Пергамент просто изумителен, – сказал Владимир вслух.

– Имена свои в треугольник сложил... – пробормотал Мечислав.

– Как можно сложить имена в треугольник? – спросил Владимир.

– И где может быть этот треугольник? – добавила Вика.

– Речь о треугольнике явно неспроста, – сказал Владимир, – Это один из символов розенкрейцеров...

– А мы знаем уже, что на капсуле символ розенкрейцеров и что король Понятовский был масоном, – сказала Вика.

– И кроме того интересовался и розенкрейцерами, – дополнил Владимир.

– Может быть, речь о какой-то... карте, – предположила Вика. – Где может быть нарисован треугольник? Это должно быть что-то вроде карты, карты на которой есть имена.

– Тут речь об именах Понятовского, раз это он рыцарь Salsinatus, – проговорил Владимир. Он почесал в затылке, сделал глоток кофе и продолжил:

– Но что это за имена?

– Станислав и Август? – предположила Вика.

– Или это какие-то другие имена. Какие ещё были имена у Понятовского? – спросил Владимир.

– Salsinatus – его тайное имя, – сказала Вика.

– В его монограмме «SAR» последняя буква R, – добавил Владимир.

– Это Rex, на латинском значит король, – сказал Мечислав.

– Да-да именно так, – подтвердил Владимир. – Имён у короля, выходит, довольно много, и это только те, что известны нам, но где та карта, или что-то типа неё, на которой можно сложить его имена вместе? Ну и, видимо, речь о трёх его именах.

– Да, ведь у треугольника три стороны и три угла, может быть должно быть ровно три имени, – сказал Мечислав.

– Но как выбрать три имени из всех тех его имён, которые нам известны? – спросила Вика.

Мечислав погрузился в раздумья. Каждый раз, когда он читал текст с пергамента, его не покидала мысль, что он видел где-то, у каких-то гродненских историков, что-то про треугольник, как-то связанный с королём Понятовским. Изо всей силы зажмурившись и резко раскрыв глаза, Мечик посмотрел на Вику. На шее у неё висело серебряное украшение треугольной формы, с тремя красными камешками по краям. Решение пришло к нему в одну секунду. Кусочки мозаики, которые он никак не мог подобрать из тёмных закоулков памяти, сложились в одно целое.

– Да, я понял! – не очень громко воскликнул молодой человек, заставив недоверчиво покоситься на его возбуждённое лицо, проходившую мимо официантку.

Забрав у удивлённого Владимира ноутбук, Мечислав принялся клацать клавишами, и через две минуты развернул его к товарищам, сидевшим с удивлёнными, но полными надежды лицами. Перед ними предстал спутниковый снимок Гродно, с нарисованным на нём почти правильным треугольником. По углам этого треугольника были расположены буквы С А П.

– Вот этот треугольник рыцаря Salsinatus, – заявил Мечик. – Если соединить на карте Гродно три королевские резиденции, которые соответствуют именам короля, то получится вот такой треугольник, как видите, он ещё и с почти равными сторонами, а значит все три резиденции на почти равном расстоянии друг от друга – это не случайность.

Мечислав указал на букву С у одного из углов треугольника.

– Это усадьба Станиславово, соответствует имени Станислав. Дальше... – историк передвинул палец, – А – усадьба Августово, соответствует имени Август, а дальше... – Мечик перевёл палец на последний угол треугольника, – усадьба Понемунь, первая буква П, как в фамилии Понятовский. Станиславово, Августово, Понемунь – Станислав Август Понятовский. Эврика! – торжествовал историк.

– Вот это и есть имена, сложенные рыцарем в треугольник, – добавил Мечислав, немного успокоившись.

– Ты прав, я уверена! – радостно сказала Вика.

– Да, это уже что-то, начало положено, – улыбаясь, проговорил Владимир.

В этот момент Мечик взглянул на невыразительного человека с бокалом вина. Тот продолжал сидеть и пить, но уже, казалось, не обращал на компанию никакого внимания.

– А давайте съездим в эти усадьбы и посмотрим, – предложил Мечислав.

Молодые люди расплатились и отправились в усадьбу Станиславово.

Небольшой дворец с монограммой короля, старые деревья, остатки ворот и два флигеля. Перед главным фасадом изящной резиденции, в вестибюле которой друзья осмотрели две шикарные, старинные печи, в стиле неоготики, стоял неподписанный памятник.

Затем они посетили Понемунь. В этой усадьбе историки видели изуродованную пристройками неоготическую часовню, небольшое строение, смахивающее на дом Мицкевича в Новогрудке, и сам дворец короля, от которого осталось немного. Друзья также не отказали себе в удовольствии спуститься в огромный овраг, раскинувшийся бок о бок с бывшей резиденцией.

Напоследок они отправились за Неман, в усадьбу Августово. Королевский дворец в ней не сохранился, но на месте была часовня, построенная аристократами, владевшими усадьбой после короля. Эта небольшая часовня с куполом, представляла из себя редкий тип постройки – скрытая ротонда. Она была прямоугольной снаружи, а её зал – круглым.

Затем молодые люди засобирались по домам. Владимир должен был жить у Мечислава. Вика же отправилась в дом, где жила во время редких приездов с учёбы, когда она покидала Вильно, и возвращалась в родной Гродно.

Холодный вечер наступал в городе, и зажигающиеся огоньки будто бы пронизывали каждого проходящего мимо них. Густой, сырой воздух, ползал под одеждой, наполнял собой лёгкие людей, спешащих домой с работы, щипал им глаза. Туман сгустился и играл со светом, рисуя тысячи световых снопов, которые обволакивали улицы, как паутина, гигантского паука, притаившегося где-то на крышах высоток, полных людских фигур, мелькавших в ярких, светящихся окнах.

Пару раз, среди тумана, Вике казалось, что за нею идёт какой-то человек и почему-то вспоминался профессор Литвакас. Наконец, неспешные шаги девушки услышал её родной дом – большая красная высотка, в элитном районе.

Вика была из хорошей и небедной семьи, ни лишённой тяги к прекрасному. Отец её был художником и, видимо, поэтому сама Вика прекрасно рисовала. С детства девочка тянулось ко всему красивому, и была упорна в учёбе.

Зайдя домой и раздевшись, девушка отправилась в душ. Через полчаса, укутав свою точёную фигурку в белый пушистый халат, она зашла в спальню, где стояла её большая удобная кровать. Рядом лежала книга Эдгара По, раскрытая на стихотворении «Сон во сне». Девушка видела, что всё вокруг как будто расплывалось. Обычно к ней не приходили сны, но на это раз, как только Вика закрыла глаза, её сознание провалилось в омут, полный видений...

Глава 4. Сон Вики

Большой овальный зал был слабо освещён свечами, потрескивающими в золочёных подсвечниках. В красивом, резном кресле, положив ноги в сапогах на бархатную подушку с кисточками, сидел человек, казавшийся погружённым в глубокие раздумья. Серебристые пряди на его голове делали его похожим на седого старика, вспоминавшего деньки беззаботной молодости. Шёлковые одежды и орден в виде звезды, на груди, поблёскивали в полумраке. Он теребил пальцами кружевной платок. У человека были большие глаза и орлиный нос. На некотором расстоянии от него, в почтительной позе стоял старик, с большими усами, подпоясанный огромным, расшитым золотом, поясом. Можно было догадаться, что это подданный сидевшего в кресле.

– Ваше Величество, – мягко сказал усатый слуга по-польски, – тот, кого вы изволите ожидать – здесь.

Король Станислав Август Понятовский, не переставая теревить пальцами платок и не поднимая взгляда, тихо ответил:

– Пусть войдёт.

Через несколько мгновений в зале уже стоял худой человек, в странном, не по моде того времени, наряде, с усами и бородой, длинным носом, большими глазами. Он слегка поклонился королю.

– Вот вы и пришли, – сказал Понятовский, подняв взгляд на гостя. – Оставьте нас одних.

Усатый в золотом поясе и ещё один слуга, стоявший у мраморной статуи, поклонились и вышли, закрыв за собою двери. Какое-то время в зале была почти полная тишина. Были слышны шаги прислуги и гостей короля за дверями. Одна из свечей стала коптить и мерцать. Король смотрел на её пляшущий огонёк и продолжал теревить кружевной платочек. Наконец, отложив его в сторону, он поманил гостя к себе жестом руки и тихо произнёс:

– Подойдите поближе, Пануриш. В этом дворце и вообще во всех моих дворцах, столько ушей, что каждый мой вдох и выдох описывается и отправляется императрице напрямик в Петербург. И хотя мы с вами будем обсуждать моё личное дело, а не... – тут король возвысил голос, – упаси нас Всевышний, не бунт же... – он опять стал говорить тихо, – мне бы хотелось, чтобы о нашем деле знали только мы. Мы посмотрим, осуществится ли моё желание.

Король движением глаз указал на кривоногий пуф, мягкое сиденье которого было обтянуто красным бархатом, и когда его гость подошёл, снял с пуфа чёрную трость с серебряным набалдашником и сказал:

– Вы уверены, что это сегодня лунное затмение?

– Абсолютно.

– Сядьте, Яков.

За те несколько секунд, которые гость потратил, чтобы выполнить приказ короля, Понятовский успел раздражиться и несколько раз с силой дёрнуть небольшой серебряный жезлик, привязанный к трости.

– Они держат меня здесь в плену, почётном, но всё же плену, – грустно сказал король.

– Я знаю, что вы скоро отправитесь в Петербург, – медленно проговорил Яков.

– В столице врагов, так далеко от родины... – еле слышно прошептал король. – Я бы так хотел сейчас попасть в Лазенки.

– Вы вернётесь в Волчин, Ваше Величество, – странно посмотрев на собеседника и едва уловимо усмехнувшись, проговорил Пануриш.

– Мой родной Волчин?

Как это часто бывает с людьми измученными нервным напряжением, Понятовский вдруг резко захохотал и спросил гостя, будто бы невпопад:

– А правда, Яков, что в вашем роду все старшие сыновья носят тоже имя, что и вы? То есть Яковов Пануришей уже было много, и будет ещё больше, если, конечно, ваш род не угаснет.

Гость почтительно склонил голову и ответил:

– Да, Ваше Величество, вы полностью правы.

– Значит вы как Радзивиллы. У них было предназначено имя Николай для старших сыновей, не знаю, правда, соблюдается ли сейчас этот обычай? Но вы то, ясное дело, не Радзивиллы. Эх, мне сейчас вспомнился весёлый Кароль Станислав Панае Каханку. Чудак же, вот чудак, – и король снова громко захохотал, накручивая на палец кисточку от трости.

Какое-то время Понятовский ещё посмеивался себе под нос, но затем, не глядя на своего гостя, вынул откуда-то три золотые фигурки на толстой цепочке и, подняв глаза на Пануриша, протянул ожерелье ему. Яков взял вещь, которую протягивал король и, поднеся к лицу, при-

стально посмотрел на то, что было в его руках. Перед ним висели золотая бабочка, усыпанная мелкими бриллиантами, золотой кабан, покрытый изумрудами и золотая, хищная птица, похожая на сокола, украшенная рубинами. Золотая цепочка была массивной, с огромной застёжкой, выполненной в виде креста с розой, лепестки которой были серебряными. Очевидно было, что украшение стоит несметных денег.

– Всё правильно? – спросил Понятовский.

– Да, всё именно так, как должно быть, – ответил Пануриш.

Раздался бой часов. Каждый удар глухо отлетал от потолка к полу и, в полутёмном зале, эти звуки казались по-настоящему зловещими. Король вздрогнул при последнем ударе, мотнул головой, а затем сказал:

– Значит, я буду жить в Петербурге.

– В Мраморном дворце, Ваше Величество.

Скрестив руки на груди и покивав головой, Понятовский усмехнулся.

– Хорошо быть всеведущим, Яков? О вашем даре мечтают многие. Но я смогу загладить свой грех? Как и вы?

– Не так уж и хорошо, Ваше Величество, но я не жалею. Грех не ваш, а мой.

Король встал, и Пануриш сразу же поднялся вслед за ним. Понятовский подошёл к окну. В дали темнел Неман, на противоположном берегу которого, мерцали огоньки в деревянных домиках, над крышами которых вился едва различимый дым. Пануриш стоял за спиной короля. В тусклом свете немногочисленных свечей вид у гостя был таинственный и мрачный.

– Ну что же... – сказал король.

Понятовский вернулся к своему креслу рядом с которым стояла небольшая шкатулка, вся покрытая изошрёнными завитками. Открыв её, король достал серебряную капсулу со своей монограммой и вопросительно посмотрел на Пануриша.

– Это то, что нужно, Ваше Величество, – сказал тот.

Королевский гость взглянул на свой перстень, на котором был выложен украшенный мелкими изумрудами треугольник. Король проследил его взгляд. Украшение стоило, очевидно, невероятных денег.

– Если бы я не знал, что вы тоже своего рода король, я мог бы удивиться наличию у вас такого сокровища, – сказал Понятовский.

– Это семейная реликвия, Ваше Величество, – ответил Пануриш.

Засунув руку за пазуху, Яков достал оттуда какой-то скруток тёмной ткани. Развернув его, он вынул небольшой, свёрнутый лист пергамента.

– Вот пергамент, на котором Вашему Величеству следует писать, – низким голосом изрёк Пануриш.

– Пожалуй, нам понадобится больше света, – ответил король.

Пануриш подошёл к одному из подсвечников и, выдернув свечу, сделал несколько шагов в сторону небольшого столика, на котором стоял золочёный канделябр. Гость зажёл каждую из трёх свечей канделябра от свечи, которую держал в руках, а затем вернул её на место. Пододвинув кресло к столу, он почтительно склонился, давая понять королю, что он может занять своё место и приступить к письму.

– Эти чернила хорошо подойдут для пергамента, – сказал Яков, доставая из-за пазухи небольшую чернильницу с плотно прикрытой крышкой. – Соблаговолите воспользоваться моим пером, Ваше Величество, – добавил он, доставая маленькое чёрное пёрышко.

Перо это почему-то произвело особое впечатление на Понятовского.

– Это как будто воронье? – спросил король усмехаясь.

– Да, Ваше Величество.

Понятовский сел за стол, на котором его гость разложил принадлежности для письма, добавив обычный лист бумаги с текстом.

– Просто перепишите текст на пергамент, Ваше Величество, – сказал Пануриш.

– Не так давно я как раз упражнялся в каллиграфии, – ответил ему король.

Пока бывший правитель одного из крупнейших государств Европы переписывал текст с листка на пергамент, Яков Пануриш в полном молчании застыл рядом с королём. Он был настолько недвижим, что казался не живым человеком, а мраморным изваянием, закутанным в человеческие одежды. Он внимательно следил за пером в руке Станислава Августа. Не каждому доводилось видеть короля, самолично переписывающего текст с бумаги на пергамент. Чёрное перо поскрипывало и оставляло буквы, складывающиеся в слова.

Наконец, король закончил и, оставив перо в чернильнице, поднял голову на своего гостя.

– У Вашего Величества прекрасно получилось, – пробасил Пануриш, слегка поклонившись. – Готово ли место для дара?

– Да, – ответил Понятовский, – оно там, – он махнул рукой в сторону одной из дверей зала.

Встав из-за стола, он направился туда, куда показал рукой. Король открыл двери, из-за которых был виден выход в здание часовни соединённое с овальным залом посредством коридора.

– Нам нужно действовать быстро, – сказал король.

Пануриш и Понятовский прошли в дальний конец помещения, там виднелся маленький столик. Сдвинув его собственными руками, король приподнял доску, на которой столик стоял. Взгляду монарха открылась глубокая яма. На дне ямы лежал деревянный ларец, без каких-либо украшений.

– Всё так, как должно быть. Здесь и следует оставить дар. Нужно будет распорядиться, чтобы слуги скрыли все следы, тщательно заделали пол. У вас же ещё есть несколько доверенных слуг, Ваше Величество?

– Да, ещё есть.

Собеседники вернулись в овальный зал. За дверями послышалась русская речь, с аккомпанементом бряцанья шпор.

– Конвой... – проговорил Станислав Август, грустно посмотрев в окно.

Король помедлил в нерешительности ещё мгновение, а затем обернулся к Пануришу, стоявшему в двух шагах.

– Те, кто должны знать – будут, в том числе какие-то евреи? – спросил король.

– Да.

– И последнее, что вы должны сказать мне. Я просил императрицу за свой народ, я не могу забыть свой долг перед ним. Россия победила. Нашей былой независимой Польши – больше нет. Я знаю, что вам известно будущее страны, и моё будущее тоже. Так вот, ответьте мне, я хочу знать: что будет с моей родиной? – король говорил всё быстрее, – и ещё одно: я умру в Петербурге?

Пануриш посмотрел на короля в упор. Его взгляд был непроницаем. Он сложил ладони вместе, казалось сейчас он начнёт уговаривать короля не просить ответа на эти вопросы. Бледное, лицо Понятовского было совсем не похоже сейчас на лицо некогда могущественного монарха. Перед Яковом был проситель. Разведя ладони в стороны, Пануриш сказал только два слова:

– Она возродится, – а затем добавил. – Да, в Петербурге.

Король побледнел ещё больше и несколько мгновений только двигал сухими губами. Он закрыл уши руками, как человек оглушённый взрывом, но быстро овладев собою, пристально посмотрел на гостя.

– Но ведь вы сказали, что я вернусь в Волчин!

– Да вернётесь, но уже после этой... – Пануриш помолчал и закончил, – жизни.

Глава 5. Приключения с утра

Профессор Литвакас открыл глаза. Он проживал в не самом старом районе Вильно, но всё же старинных особняков, которым скоро должно было исполниться 100 лет, там было предостаточно. Многие состоятельные люди уже не первый год скупали имущество по соседству с профессором философии. Назывался этот район – Жверинас.

Литвакас очень любил свой уголок города и свой старый деревянный дом, покрытый прекрасной черепичной крышей. В этом доме у него была большая спальня и узкая, спартанская кровать, с которой он и поднялся ранним утром. Вид его выдавал бессонную ночь. На его прикроватной тумбочке лежала книга Эдгара По, раскрытая на стихотворении «Сон во сне». Наскоро умывшись, Литвакас быстро перекусил тем, что осталось от ужина и, накинув пальто, выбежал из дома. Сегодня он не собирался читать лекции. Прыгнув в свой новенький дорогой седан, чёрного цвета, профессор завёл двигатель и через час был уже за городом, где позволил себе развить нешуточную скорость – 180 километров в час. Литвакас любил скорость, кроме того он спешил. Его седан, поплёскивая на солнце, летел по трассе в сторону Беларуси.

Проскочив границу относительно быстро, Литвакас продолжал давить на газ и вскоре увидел замаячивший впереди Гродно. Именно туда спешил литовский профессор.

Припарковавшись в центре города, Литвакас постучал пальцами по рулю, слегка поскрёб его приятную на ощупь кожаную поверхность, и достал из внутреннего кармана пиджака свой телефон. Постучав по сенсорным клавишам, он поднёс тонкий кусок пластика к уху.

– Алло, – сказал в трубке приятный, молодой женский голос.

– Виктория, это Литвакас.

– Вы, профессор? – голос девушки звучал удивлённо, и как показалось Литвакасу, немного устало.

– Я приехал в Гродно и мне надо поговорить с вами, Вика.

– Вы в Гродно? – голос собеседницы Литвакаса стал ещё более удивлённым.

– Да, это очень важно. Я понимаю, что всё это очень неожиданно для вас. Я прямо как незванный гость в разгар чаепития. Просто поймите, что это очень-очень важно, Виктория.

– О, конечно, профессор. Я всё прекрасно понимаю и знаю, что вы не просто так приехали к нам в город. У вас есть важное дело, и я с удовольствием с вами встречу, чтобы уладить его.

– Я знал, что найду у вас понимание, Виктория. Можете ли вы быть в три часа дня у памятника Элизе Ожешко?

– Минуточку... Да, профессор. Давайте так и сделаем.

– Спасибо. До встречи.

– Спасибо вам профессор.

Положив трубку, Литвакас застыл на несколько мгновений, а потом, резко открыв дверь, пошёл прогуляться по городу и перекусить. До встречи с девушкой у балтийского путешественника было ещё немного времени.

Вика тем временем обдумывала неожиданное появление Литвакаса. Она всё ещё сидела на кровати не одевшись. Девушка провела руками по волосам. Необычный яркий и интересный сон, заставил молодую особу задуматься о причине его появления.

– Обычно я не вижу снов, – сказала она сама себе и протянула руку к телефону, который успела отложить на маленький журнальный столик.

В это время Мечислав и Владимир обедали дома у гродненского историка. Мечик приютил своего минского коллегу, и они уже успели с утра позаниматься уникальными артефактами, которые до этого были знакомы Владимиру лишь по фото и описанию друзей. Владимир смог сам поддержать в руках серебряную капсулу, хорошо очищенную и блестящую.

Жена Мечика вошла на кухню, где расположились историки.

– Приятного аппетита, – сказала она.

– Спасибо! – хором ответили Мечик и Владимир.

– Очень вкусно, вы прекрасно готовите, – сделал Владимир комплимент хозяйке дома, которая была одета в домашний спортивный костюмчик и как раз собирала волосы в пучок на затылке.

– Очень приятно, – сказала молодая хозяйка и улыбнулась.

В это время в кухню вбежал маленький сын Мечислава. Он бросился к отцу и попытался схватить его за горловину свитера.

– Я же ем, ты же видишь, – сказал Мечислав и, улыбнувшись, поднял сына и посадил его к себе на колени.

В это время, в комнате на чердаке, где Владимир и Мечислав оставили свои телефоны рядом с артефактами Понятовского, раздавался звонок. Телефон Мечика вибрировал на столе, но обитатели дома не слышали, так как были слишком далеко.

Вика подождала ещё немного и, так и не услышав приветствия Мечика в трубке, опустила телефон на колени.

– Не поднимает, – задумчиво сказала девушка, – Нужно будет набрать позднее.

Она встала и принялась собираться на встречу с Литвакасом.

В это время Мечик и Владимир закончили обед и вернулись к своим делам.

– Сохранность изумительная, – сказал Владимир, ещё раз беря серебряную капсулу в руки.

– А эта коробочка из красного дерева, – произнёс Мечислав, – просто великолепная вещица. Даже сложно сказать, что тут радует больше.

– Золотой герб Понятовских, – ответил историк.

– Ещё бы! – воскликнул Мечик.

– Но, а пергамент... Знаешь, даже если бы на нём ничего не было написано, я бы всё равно считал, что он великолепен, – проговорил минчанин.

Мечислав усмехнулся и понимающе кивнул головой. Владимир продолжал держать в руках серебряную капсулу.

– Ты очень хорошо её очистил. Она прямо во всём блеске. Теперь отлично видно все, что на ней изображено, – отметил Владимир.

– Обрати внимание на эту ручку в виде головы вола, – посоветовал гродненец.

– Она такая приятная на ощупь... Мне даже больше нравится её трогать, чем на неё смотреть, – слегка улыбнувшись, спокойным голосом сказал гость.

Мечик подошёл к столу, где лежал его телефон и, взяв его в руки, воскликнул:

– Звонила Вика! Видимо мы не слышали пока обедали. Эх!

– Позвони ей, – посоветовал Владимир и Мечик, нажав на вызов, поднёс телефон к уху

Вика услышала звонок телефона, который лежал у неё в небольшой сумке, перекинутой через плечо. Девушка порывлась в ней и, не без труда, нашарив телефон, вытащила его. Взглянув на мобильный она с радостью улыбнулась.

– Да, Мечик, – улыбаясь сказала девушка в трубку.

– Привет, – услышала она в ответ.

– Привет.

– Я вижу, ты звонила, но мы с Володей не слышали. Обедали, ага, – сказал весёлым тоном Мечик.

– Просто есть новости.

– Какие?

– Сегодня с утра мне позвонил Литвакас. Представь себе, профессор в Гродно...

– Вот это новости, – удивлённо сказал Мечислав. – Он тебе звонил? И что сказал? Чего он хочет?

– Он не объяснил, – ответила Вика.

– И?

– И сейчас я иду на встречу с ним. Мы договорились в три часа, у памятника Ожешко. Я уже близко к месту.

– Ты совсем не знаешь, чего он может хотеть? Хотя, предположить то несложно. Правда, как думаешь?

– Точно не знаю, но предположить действительно легко.

– Наверняка это связано с артефактами.

– Да, наверняка. Ну что же ещё ему может быть нужно? Он хочет что-то сообщить по нашему делу и это, вероятно, будет нам на пользу.

– Или ещё что-то узнать, – сказал Мечислав.

В это момент Вике показалось, что впереди, среди идущих людей, стоит какой-то человек, лицо которого было ей знакомо, но она никак не могла вспомнить, где его видела. Его внешность была такой невыразительной, что запомнить её казалось почти невозможным. Ей припомнилось, что похожий человек уже шёл за ней однажды или же ей просто показалось, и никакого преследующего её человека не было, ни тогда, ни сейчас.

– Алло, Вика, ты здесь? – спросил Мечислав, слыша в трубке молчание.

– Да, – сказала девушка спохватившись.

Она ещё раз пристально всмотрелась в человека, показавшегося ей знакомым, но он просто стоял и смотрел на неё, а потом вдруг улыбнулся и помахал девушке.

«Это просто какой-то мой знакомый, но я-то его совсем не помню» – пронеслось в голове Вики.

– Вика, с тобой всё хорошо? – услышала она вопрос Мечислава.

– Да-да, – ответила девушка, а сама подняла голову и вновь всмотрелась в человека, который махал ей. Он пошёл девушке на встречу, но тут Вика увидела, что машет и улыбается он не ей, а кому-то за её спиной.

– Тут просто кто-то махал мне, но оказалось, что не мне, – сказала Вика в трубку.

– Ага, – несколько озадаченно проронил Мечислав.

– Я думаю, это прекрасная возможность узнать ещё что-то. Я, честно сказать, стораю от любопытства. У Литвакаса университет и студенты. И вот он, получается, всё бросил и поехал в Гродно. Разве тут можно быть незаинтригованной?

– Ну да. Может ты хочешь, чтобы мы с Володей подъехали?

– Ну, я думаю, что справлюсь. Возможно, Литвакас и сам захочет повидать Владимира, ведь они давно знакомы и именно он его нам и порекомендовал. Если он захочет, то и вы с ним встретитесь.

– Понятно. Ну, тогда созвонимся.

– Да, до звонка, Мечик.

Девушка отключила трубку и посмотрела на небо. День был солнечный, но не особенно тёплый.

После того, как связь прервалась Мечик подошёл к окну и взглянул на улицу.

– Ну и что там? – бросил Владимир, всё ещё державший в руках капсулу.

– Представляешь, Литвакас приехал в Гродно и позвонил Вике. Предложил ей встретиться, и она сейчас идёт на эту встречу.

– Так это же хорошо, – спокойно сказал Владимир. – Наверняка он сообщит что-то важное, а иначе, зачем он приехал в Гродно?

– Мда... У меня какое-то странное чувство... Как будто бы этот Литвакас несёт какую-то угрозу. Как будто бы он связан с угрозой. Ты вот знаешь его давно. Что он за человек? – спросил Мечик.

– Ну, он хороший специалист, – ответил минчанин.

– А что он за человек?

Владимир только пожал плечами.

Пока Мечислав и Владимир обсуждали Литвакаса, Вика почти пришла на место встречи. Девушка была очень педантична и не любила опаздывать. На встречи, тем более деловые, она почти всегда приходила заранее, и нередко сама ожидала того, с кем условилась встретиться.

Рядом с памятником находилась старая гродненская аптека с прекрасным интерьером. Бывать там было приятно, и девушка заглянула туда, так как до трёх часов было ещё достаточно времени. Проведя несколько минут в аптеке, Вика вышла на улицу и направилась к памятнику Элизе Ожешко, до которого оставалось пройти самую малость.

К её удивлению Литвакас уже ожидал там. Профессор пришёл на встречу даже раньше её и теперь сидел на небольшой, чистой лавочке.

Гость поднялся на встречу той, кого ожидал, и сильный порыв ветра распахнул полы его тяжёлого, зимнего пальто, сшитого из серого драпа. Невероятной длины шарф был намотан на шею профессора. Его лакированные туфли не отличались чистотой. А толстые ладони с довольно-таки короткими пальцами – наполовину выглядывали из карманов тёмных, полосатых брюк. Он был из тех людей, которые выглядят смешными чудаками даже в дорогой одежде и в дорогой машине, с дорогими часами на запястье, а особенно смешными таких людей делают дорогие подруги, держащие их под руку.

Чёрные глаза Литвакаса смотрели, не отрываясь, на Вику. Зимнее солнце заливало место встречи профессора и девушки. Аккуратный памятник польской писательнице Элизе Ожешко уже много десятилетий украшал Гродно и теперь лицо скульптуры было обращено к Литвакасу. Стоял небольшой мороз, и в этом месте открывался отличный вид на центральный парк, названный в честь французского учёного восемнадцатого века – Жилибера. Даже голые деревья этого парка производили приятное впечатление, а на маленьком мостике, с кованными ажурными перилами, как будто вышитыми в воздухе чёрными нитками, резвилась какая-то парочка, посылая в небо свои весёлые крики.

– Здравствуйте, Виктория, – сказал Литвакас, когда та была ещё далеко. Он был уверен, что его голосу хватит силы пробиться сквозь ветер и достигнуть слуха девушки, бодро шагавшей ему навстречу. Вика действительно услышала и, помахав рукой, пошла быстрее.

– Здравствуйте, – сказала она, подойдя к Литвакасу.

Солнце озаряло аккуратно убранные волосы, а ветер колыхал её одежду. Она смущённо потупила взгляд и провела по краю пальтишка своими длинными пальчиками.

Но Литвакас остался равнодушен к этой идиллической картине. В другой момент он мог бы отдать ей должное, так как был рьяным ценителем женской прелести, однако теперь он был поглощён какой-то идеей, сжигавшей его мозг. Поэтому он сделал шаг к слегка стеснявшейся девушке и громко выпалил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.